

Рустам Шукуров

Доктор исторических наук
Московский государственный университет,
(Россия)

АНАТОМИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ: ВООБРАЖАЕМАЯ КАРТА МИРА В «ДНЕВНИКЕ» САДР-И ЗИЙА

Вторая половина XIX в. в истории Бухарского эмирата ознаменована кардинальными изменениями не только в политической жизни, но и в интеллектуальном климате и в самом содержании бухарского интеллектуализма. В правление трех последних правителей Мангытской династии – Музаффар-хана (1860–1885), ‘Абд ал-Ахад-хана (1885–1911) и ‘Алим-хана (1911–1920), – бухарский интеллектуализм эволюционировал от простого приспособления к новой ситуации, предполагавшей тесное соседство с Россией, к нараставшей рецепции культурной информации, проникавшей с территории Российской империи. Это было время непосредственного соприкосновения азиатской и русской культур, причем, начиная с 1880-х гг., соприкосновения по большей части мирного. Множество русских находилось на территории Бухарского эмирата – дипломаты, военные, торговцы, промышленники, ученые. Русские постепенно меняли облик эмирата, возводя железные дороги, мосты, заводы, фабрики и европейские дома. Нарастало присутствие русских товаров на внутреннем рынке.

Конечно, рецепция европейских элементов вплоть до 1920 г., времени краха Бухарского эмирата, носила ограниченный характер. Однако важно было кардинальное изменение внешних центров ориентации и приоритетов бухарской жизни. Бухарский эмират все более изолировался от мусульманского Юга (афганского, иранского, индостанского), с которым на протяжении всей истории он был тесно связан. Впервые в своей истории Средняя Азия поворачивается спиной к Югу и обращается лицом к Северу. В результате русских завоеваний поток центрально-азиатской жизни был выведен из своего естественного русла и направлен в противоположном направлении. Бухара открылась для мощного информационного потока с Севера, из Российской империи, который включал в себя не только «русскую», а шире «европейскую» идею, но и обновленческие проекты «русского мусульманства».

1. Садр-и Зийа

Бухарский судья Мухаммад-Шариф Садр-и Зийа (1865–1932), живший в эпоху активного проникновения России в Среднюю Азию, важен в контексте настоящего очерка как типичный представитель бухарской интеллектуальной элиты. Биография Садр-и Зийа в последнее время изучалась весьма

интенсивно¹. Здесь следует отметить несколько аспектов биографии, важных для последующего изложения. Происходя из семьи ‘Абд ал-Шакура Айата, занимавшего высшие юридические посты в Бухарском эмирате, Садри-и Зийа получил хорошее образование и рано вошел в круг интеллектуальной элиты – чиновников, богословов, поэтов и писателей. Сам Садри-и Зийа на протяжении жизни занимал посты шариатского судьи в различных провинциях Бухарского эмирата. Благополучно сложилась и его, так сказать, академическая карьера – еще в 1912 г. он был почтен званием садра, высшим отличием для мусульманских ученых в эмирате. Садри-и Зийа занимался литературным трудом, был известным прозаиком и каллиграфом. Писал он также и стихи.

С точки зрения культурной и политической ориентации Садри-и Зийа принадлежал к центристам. Садри-и Зийа оставался в среде умеренных сторонников реформ. Он никогда не причислял себя к джадидам, наиболее радикальному крылу реформаторов, но поддерживал с некоторыми из их лидеров близкие дружеские отношения. Более того, он участвовал в некоторых их предприятиях, например, финансируя так называемые новометодные школы, в которых набор предметов и методики преподавания были существенно обновлены в сравнении с традиционными мактабами. Садри-и Зийа был убежденным конституционным монархистом и сторонником независимости Бухары. Не разделял он и ставшего модным среди джадидов в те времена атеизма.

Весной 1917 г., после Февральской революции, он несколько недель был Верховным судьей (*qāzī al-quzzāt*) эмирата в новом либеральном правительстве Бухары. Под давлением Временного правительства эмир Алим-хан решился пойти на политические реформы и для их осуществления избрал политических центристов, в частности Садри-и Зийа, который, будучи близок к джадидам, продолжал принадлежать к официальному эстаблишменту. Однако под давлением консервативных сил внутри эмирата, эмир вскоре отказался от этой затеи. Садри-и Зийа был отправлен в отставку, а после февраля 1918 г. арестован за близость к джадидам и чуть было не казнен. Парадоксальная ситуация – он чуть не поплатился жизнью в 1918 г. за то, что в 1917 представлялось его неоспоримым преимуществом.

¹ Шакурии Бухорои М. (Шукуров М.) Садри Бухоро. Душанбе, 2005; Shakuri M. Sadr-i Ziya wa “Ruznama”-i u // Ruznama-i Sadr-i Ziya. Waqaycnigarii tahawwulat-i siyasi ijtimaci-i Bukhara-i Sharif / Tahqiq wa pazhuhish-i Muhammad-jan-i Shakuri-i Bukhara-i. Tehran, 1382/2002. P. 1–89; Shakuri M. (Shukurov M.) Introduction // The Personal History of a Bukharan Intellectual: The Diary of Muhammad Sharif-i Sadr-i Ziya [Brill’s Inner Asian Library, 9], Translated from the Original Manuscript by Rustam Shukurov, with an Introductory Study and Commentaries by Muhammadjon Shakuri (Shukurov), Project Director Shahrbanou Tadjbakhsh, Editor, English Language Edition Edward A. Allworth. Leiden, 2004. P. 1–75; Стори Ч.А. Персидская литература. Библиографический обзор / Перепечатал и дополнил Ю.Э. Брегель. Ч. 1–3. М., 1972. Ч. 1. С. 498–499; Vahidov Sh., Erkinov A. Le fihrist (catalogue) de la bibliothèque de Sadr-i Ziya : une image de la vie intellectuelle dans le Mavarannahr (fin XIXe–deb. XXe s.) // Patrimoine manuscrit et vie intellectuelle de l’Asie centrale islamique [Cahiers d’Asie Centrale 7] / Ed. A. Muminov, F. Richard et M. Szuppe. Tachkent & Aix-en-Provence, 1999. P. 141–179; Dudoignon St. La question scolaire à Boukhara et au Turkestan russe, du premier renouveau à la soviétisation (de la fin du xviii siècle à 1937) // Cahiers du monde russe. T. 37/1–2. 1996. P. 133–210. Дальнейшие библиографические ссылки см. в упомянутых выше работах. Год рождения Садри-и Зийа 1865/1281 уточнен в: Шакурии Бухорои М. Садри Бухоро. С. 10–11; The Personal History. P. 104–105 note 30. Общепринятая дата рождения 1867 г. является, скорее всего, ошибочной.

Таким образом, Садр-и Зийа принадлежал к кругу наиболее интеллектуально активных и разносторонне образованных людей. Будучи включенным в круг элиты, Садр-и Зийа имел активные контакты с приезжавшими русскими. Это по большей части царские чиновники, офицеры расквартированных в провинциях эмирата русских войск, торговцы. После Бухарской революции в 1920 г. эти контакты усилились и расширились. Как интеллектуал, живо интересующийся миром, он имел возможность в определенной степени узнать Россию из первых рук, а через русскую культуру – и элементы европейской цивилизации в целом. В какой-то степени он, вероятно, знал и русский язык, хотя до конца жизни, по-видимому, так и не стал на нем говорить.

«Дневник» Садр-и Зийа и контекстуальное сознание

В центре нашего исследования находится «Дневник» Садр-и Зийа, мемуарное произведение, писавшееся в 1920-1930 гг.² Хотя на фарси книга названа самим автором «Ruznama», т.е. «дневник», по жанру она довольно сильно отличается от европейских дневников. Это скорее мемуары, воспоминания о пережитом. Конечно, при написании «Дневника» Садр-и Зийа пользовался какими-то более ранними записями, но заметную часть описываемых им событий он восстанавливал по памяти.

Необычно и даже несколько неожиданно для европейского сознания содержание «Дневника». В нем почти нет ожидаемых воспоминаний очевидца о тех или иных политических событиях и деятелях. Садр-и Зийа понимает жанр «Дневника» как собственную, сугубо «персональную» историю. Только некоторые из событий того бурного времени, участником которых был автор, и которые мы ожидали бы увидеть, попали на страницы «Дневника». Такое впечатление, что Садр-и Зийа намеренно абстрагируется от своей так сказать «внешней» жизни, своей чиновной службы, посещений двора, политической борьбы. Он концентрируется больше на семейной истории (отца, родственников, детей), истории ближайшего круга друзей, на их произведениях и занимательных случаях, с ним происшедших, а в еще большей степени на своем эмоциональном состоянии, снах, предчувствиях, страхах, надеждах. В этом смысле это абсолютно уникальный текст, воссоздающий, так сказать, актуальный поток сознания, актуальное содержание сознания, привычные образы и серии образов, которые наличествовали в обыденном течении его мыслей. Это и привычные семейные воспоминания, и размышления над поворотами собственной судьбы. Он перебирает, как четки, врезавшиеся в его память стихи и чем-либо замечательные высказывания прошлых и современных поэтов, пытается в то же самое время «боковым зрением» своего сознания разгадать смысл встревоживших его снов.

² Ruznama-i Sadr-i Ziya. Английский перевод, выполненный с рукописи: The Personal History of a Bukharan Intellectual. Анализ «Дневника» см. в предисловиях М. Шакури к персидскому и английскому изданиям, а также: Dudoignon St. Les «tribulations» du juge Ziya. Histoire et mémoire du clientélisme politique à Boukhara (1868-1929) // Annales H. S. S. T. 59/5-6. 2004. P. 1095-1135.

То, что представлено в «Дневнике» Садр-и Зийа, я бы назвал «контекстным сознанием», то есть тот мыслительный и образный контекст, на фоне которого и происходит обдумывание каких-то иных повседневных дел, будь-то решение хозяйственных нужд, забот по дому или решение служебных проблем. Мысли о службе, рутинной политике, дворцовых интригах, обычных происшествиях, обыденных событиях в семье – разовые и преходящие, а контекст остается. И этот контекст состоял из особого мыслительного потока, некоего поля привычных мыслей и переживаний, фиксированных неизменных интересов, проходивших с автором через всю его жизнь. Содержание контекстуального мыслительного поля как особого ментального и психологического объекта еще должно стать предметом особого исследования. Причем, «Дневник» Садр-и Зийа – наиболее информативный в этом смысле источник во всей среднеазиатской литературе того времени.

Интерес к внешнему миру

Немаловажное место в этом ментальном контексте играет непреходящий интерес Садр-и Зийа к текущей международной политике. Желание знать, что происходит прямо сейчас в мире, отнюдь не является прерогативой только новоевропейского сознания или нашего современного – глобалистического. В «Дневнике» мы встречаем то же желание быть в курсе изменений в мире, настойчивое отслеживание мельчайших подробностей событий, происходящих за многие тысячи километров. Более трети «Дневника» Садр-и Зийа как раз посвящено международным новостям. Важность этих экскурсов для реконструкции взглядов и внутреннего мира Садр-и Зийа впервые была отмечена и обсуждена М. Шакури, выводы которого являются исходной точкой наших последующих рассуждений³.

При этом нелишне отметить, что Садр-и Зийа никогда не путешествовал, он выезжал за пределы эмирата лишь считанное количество раз, да и то в соседний Русский Туркестан, в Самарканд. Похоже, он просто не имел желания путешествовать, покидать Бухару надолго, ибо каких-либо ограничений на передвижение в эмирате не существовало. Знание его о внешнем мире было целиком и полностью книжным и, вероятно, почерпнутым из бесед с людьми.

Основным источником международных экскурсов являлась пресса того времени – персо-язычные афганские, египетские, индийские газеты, а именно афганская *Siraj al-Akhbar-i Afghanistan*, индийская *Habl al-matin*, египетская *Chehra-nama*. По крайней мере, эти три периодических издания упоминаются самим Садр-и Зийа.⁴ В некоторых случаях дается пересказ международных событий без указания источника, хотя сам стиль этих экскурсов и, в

³ Fitrat A. Bayanat-i sayyahi hindi. Istanbul, 1330/1911-12; Фитрат А. Рассказы индийского путешественника / Пер. А.Н. Кондратьева. Самарканд, 1913; Мирзо Сироджиддини Хаким. Тухафи ахли Бухоро. Душанбе, 1992.

⁴ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 225 (*Habl al-matin*), 243 (*Siraj al-Akhbar-i Afghanistan*), 221 (*Chehra-nama*). ⁵

особенности, их подробность не оставляет сомнений, что взяты они из газет. В других случаях автор приводит довольно обширные цитаты с указанием газеты-первоисточника.

С точки зрения фактологической, международные экскурсии Садр-и Зийа не несут никакой новой информации, ибо они вторичны и базируются на не всегда точной журналистской информации. Но с точки зрения контекстуального сознания они чрезвычайно важны, обрисовывая горизонты «внутреннего я» нашего автора. Этот его интерес, по всей видимости, Садр-и Зийа пронес через всю свою жизнь, сохраняя его как некую константу своей мыслительной обыденности. Именно поэтому он, весьма опытный прозаик, счел возможным включить эти пассажи в историю своей внутренней жизни, как нечто существенное, без чего образ его «я» был бы неполон.

Хорошо осознанный и настойчиво манифестируемый интерес к внешнему миру является замечательной особенностью «Дневника» Садр-и Зийа, не имеющей точных аналогий в современной ему среднеазиатской литературе. В таджикской литературе того времени продолжал существовать традиционный жанр «Путешествий», представленный произведениями Фитрата и Мирза Сирадж ал-Дин-и Хакима. Однако, в «Дневнике» Садр-и Зийа мы имеем дело с нечто совершенно иным. Международные экскурсии его никак не приводимы к жанру «Путешествия», но представляют собой своего рода «внутреннее», воображаемое, мыслительное путешествие, а скорее даже постоянное ментальное присутствие автора в «большом» мире, раскинувшемся далеко за пределы Бухары.

Воображаемая карта мира

Каждой исторической эпохе свойственны свои общепринятые способы визуализации мира. Причем, воссоздать их сегодня бывает довольно непросто. Например, новоевропейский тип визуализации географического пространства предполагает конструирование внутренним зрением некой географической карты, аналогичной современным географическим картам, повторяя последние с большей или меньшей степенью детализации и точности. Остается вопрос, как средиземноморское сознание визуализировало мир в средневековье, если современный картографический образ мира отсутствовал, а существовавшие графические образы мира (предшественники современных карт) имели хождение лишь в весьма узком кругу интеллектуалов. Трудно сказать, как визуализировалась в средневековье, например, идея маршрута, передвижения из одной географической точки в другую. Тот же вопрос можно обратить и к сознанию Садр-и Зийа, находившегося на границе перехода к новоевропейским образным моделям. Трудно сказать, визуализировал ли Садр-и Зийа мир как географическую карту или же использовал какую-то иную модель, более близкую к традиционной средневековой визуальности. Пока на этот вопрос нет ответа, хотя, возможно, что пространственный образ

мира Садр-и Зийа вполне мог быть близок к современному, ибо в его время, по меньшей мере, в Турции и Иране существовали и широко использовались карты европейского типа с легендами на арабике.⁵ В любом случае, очевидно, что в его сознании присутствовало отчетливое и достаточно детальное представление о политико-географическом строении внешнего мира.

Образ внешнего мира у Садр-и Зийа нам сейчас проще изобразить в виде некой ценностной шкалы, в которой страны и народы распределяются в соответствии с мерой проявляемого автором к ним интереса. Интерес же Садр-и Зийа к внешнему миру был весьма избирательным. Мир Садр-и Зийа нам сейчас проще изобразить в виде нескольких концентрических кругов, каждый из которых состоит из определенной группы стран и народов; чем выше частота упоминаний и подробность описания, тем ближе помещается эта страна к центру.

В центре круга находится сама Бухара – большая часть «Дневника», конечно же, посвящена событиям так или иначе связанным с родным городом автора и эмиратом. Первый круг, ближайший к Бухаре, состоит из стран и народов, об истории и современном положении которых в «Дневнике» содержатся довольно пространственные очерки. Сюда относятся по частоте упоминаний Российская империя, Османская империя, Иран, Афганистан и Япония. Второй круг охватывает Китай и христианские европейские государства – Великобританию, Францию, Италию, Австрию, балканские страны. В третий круг входят Соединенные Штаты Америки, страны Аравийского полуострова, о которых автор упоминает лишь вскользь и его интерес к которым не высок.⁶

Таким образом, как мы видим, Африка, Южная Америка, Юго-Восточная Азия, Австралия и т.д. находятся за пределами горизонта авторского интереса. Это отнюдь не означает, что Садр-и Зийа не знал об их существовании. Просто они не играли роли (или играли незначительную роль) в его модели внешнего мира, о которой речь пойдет ниже.

Восток и Запад: два полюса мира

Набор интересовавших Садр-и Зийа земель подчинен более масштабной его концепции, объясняющей смысл политико-культурных процессов современности, на что впервые обратил внимание М. Шакури⁷. В глазах Садр-и Зийа конечным смыслом текущих политических событий было глобальное столкновение Европы со всем остальным цивилизованным миром. В этом смысле мир Садр-и Зийа биполярный: на одном полюсе Европа, а на другом – остальной мир. При этом внимание Садр-и Зийа концентрируется в первую очередь на наиболее близких ему культурах и нациях: Османской империи

⁵ См., например: The History of Cartography / Ed. J.B. Harley and D. Woodward. Vol. 2/1. Chicago, 1992. Chapters 11–12.

⁶ Ruznama-i Sadr-i Ziya. Fihrist-i namha-i jughrafiyai.

⁷ Шакурии Бухорои М. Садри Бухоро. С. 62–64.

(как оплота суннизма и наиболее могущественного из мусульманских государств то о времени), Афганистана (как ближайшего соседа Бухары, а также персо-язычной и преимущественно суннитской страны), а также Ирана (родственной Бухаре державы с точки зрения культуры и языка).

В рассказах о событиях в этих странах преобладает тема сопротивления захватническим амбициям Европы. Центром сопротивления предстает Османская империя. Автор подробно описывает непрекращающееся давление европейских держав на Турцию, попытки расчленить Османскую империю или, по крайней мере, сократить ее территорию. Садр-и Зийа подробно описывает восстания армян в 1897 и позже, восстание греков на Крите в 1896, которое повлекло за собой высадку греческого десанта на Крите. Много страниц посвящено войнам османов с соседями – Балканскими державами⁸.

Афганистан предстает балансирующим между Россией и Великобританией, терзаемым дворцовыми переворотами и смутой⁹. Та же схема занимает Садр-и Зийа и в отношении Ирана, который возглавляли тогда последние Каджары, а именно балансирование Ирана между Россией и Великобританией. С горечью пишет Садр-и Зийа о внутренних смутах, бездарности правителей, бедствиях населения, перманентном вмешательстве европейских держав во внутренние дела, о попытках оккупации страны Россией, долгах Ирана перед Великобританией¹⁰.

Следует отметить, что частота упоминания Японии во многом связана с подробнейшим описанием в «Дневнике» русско-японской войны, которую автор рассматривал как кульминацию противостояния между Европой и остальным миром¹¹.

Европейская политика интересует Садр-и Зийа лишь в связи с судьбами Азии. В наибольшей степени его интересовали современные судьбы исламского и вообще «нехристианского» азиатского мира от Средиземноморья до Японии.

Образ Западной цивилизации

Если мы встанем в центр земного круга, обрисованного Садр-и Зийа и взглянем на мир его глазами, то придется констатировать, что конец XIX – начало XX вв. в международной политике был временем почти перманентного проигрыша Азии, в особенности мусульманской Азии, временем жестоких унижений мусульманства как культурной силы, а именно это более всего интересовало Садр-и Зийа в его интересе к внешнему миру.

В «Дневнике» рисуется весьма нелестный образ христианского Запада. Причем европейцы и христиане – понятия взаимозаменяемые в

⁸ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 141ff, 230ff, 242ff.

⁹ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 167–168, 301–302.

¹⁰ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 227ff, 280, 300–301.

¹¹ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 185–200.

«Дневнике». Западные христианские общества агрессивны и безжалостны по отношению к остальному миру. Действия европейцев носят сугубо эгоистический характер. Основным движущим мотивом Запада является собственное обогащение за счет более слабых народов. Именно безответственность и жадность Запада является главной причиной бедности и слабости остального мира вообще и мусульман, в частности. Более того, агрессивная политика по отношению к исламским народам обуславливается патологическим антиисламизмом. Военные акции Запада характеризуются в одном месте как крестовый поход и этому приводятся подтверждения, почерпнутые из прессы: речь идет о 1912 г., о провозглашении войны Турции балканскими государствами Черногорией, Сербией и Грецией, которые действительно подчеркивали в официальных манифестах религиозный аспект борьбы против Османской империи¹².

Христианский мир, таким образом, предстает как преимущественно негативный фактор в современном мире. Противодействие этой деструктивной силе всеми доступными средствами представляется оправданным и закономерным.

Садр-и Зийа охватывает отчаяние от поступающих во множестве известий о притеснении мусульман со стороны Запада в разных точках мира и по разным поводам. Апогеем этого отчаяния является повествование о событиях 1912–1913 гг. В этот период Османская империя оказалась вовлечена в два масштабных конфликта – аннексия османской Ливии итальянцами и атака Балканских государств на европейские владения Турции, а также последовавшая Балканская война (действительно, не самый красивый эпизод мировой истории). Садр-и Зийа не только потрясен людскими и территориальными потерями Турции от этих войн с итальянцами и балканскими государствами, но и кровавой войной между вчерашними победителями Грецией, Сербией, Черногорией и Болгарией за отвоеванное у турок наследство, а в еще большей степени политикой великих держав, в первую очередь Франции и России, которые подлили масло в огонь, подтолкнув Румынию вмешаться в Балканский конфликт¹³. Возмущенный безнаказанностью и безответственностью Европы, автор раздражается довольно пространной патетической речью, что ему, в общем, не свойственно:

«[Европейское стремление уничтожить всех нехристиан] похоже на фанатизм анахоретов, которые мечтают о том, чтобы мир был населен одними анахоретами. Но что это за глупая мысль, что за бредовая мечта! Ведь в мире сейчас больше полутора миллиардов людей; только полмиллиарда из них христиане, оставшийся же миллиард с лишним – люди разных национальностей. Как можно надеяться на осуществление этого стремления при таком численном соотношении?! Даже если им удастся извести всех мусуль-

¹² Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 232–233.

¹³ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 231–242.

ман, что они смогут сделать с 330 миллионами китайцев и 50 миллионами японцев?! Этот смиренный раб, Зийа-и Садр, взывает ко Дворцу Спасителя Мира, Всемогущего Господа, ни в чем не нуждающегося, Мстителя, дающего исцеление: ниспровергни христианские державы, отомсти им за их пустое бахвальство! “Только меч вылечит петуха, кричащего не ко времени”»¹⁴.

В подтверждение своих слов Садр-и Зийа приводит взятую из прессы песню итальянского солдата, отправляющегося на ливийскую войну против турок. Автор ее называет «Черной песней итальянца». В ней есть такие строки:

«Эта война против Ислама. Даже невинным девушкам следует участвовать в ней. Я буду драться как можно лучше, чтобы уничтожить Коран, и буду убивать за свою родину»¹⁵.

Мне не удалось установить, действительно ли существовала такая песня среди итальянцев. Однако это не так важно. Читатели мусульманских газет того времени, включая Садр-и Зийа, были уверены в ее подлинности.

Наиболее отрицательную оценку получает политика Великобритании. Садр-и Зийа рисует ее как сугубо деструктивную силу, мирового интригана. Это наиболее коварная и агрессивная держава в Европе. В тексте Великобритании неизменно сопровождается эпитетами коварная, агрессивная, подстрекательная, лживая и т.д. В некоторых случаях (критское восстание и вообще османские дела) другие европейские державы вынуждены сдерживать Великобританию от вмешательства в дела Турции и Ирана. Из 29 упоминаний Великобритании в тексте в 23 случаях коннотации однозначно негативные. Только однажды Садр-и Зийа оценивает относительно позитивно роль Великобритании: когда Великобритания воспрепятствовала русской оккупации Азербайджана в 1912 г., она, по его словам, «остановила [русского медведя], ухватила его за ошейник и привела в свой лагерь»¹⁶.

Так, оглядывая прошедшие мировые события, перебирая вырезки из газет, Садр-и Зийа конструирует негативный образ Запада. Мотивировка Садр-и Зийа вполне укладывается в дух того времени, времени нарастающего антиколониального движения в мусульманской Азии и на Дальнем Востоке.

Однако было бы ошибкой считать, что образ Запада и христиан в «Дневнике» был сугубо отрицательным. Автор сочувствует христианам-армянам, притесняемым русским царизмом¹⁷. Садр-и Зийа высоко оценивает технические достижения христианского Запада, помещая в «Дневнике» сообщения о новых научных и технологических открытиях во Франции и Америке¹⁸. Особенно хорошо демонстрируют неоднозначное отношение к европейской

¹⁴ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 236.

¹⁵ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 237.

¹⁶ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 230.

¹⁷ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 187: “gahe Armani ra namudi sitam | ki khatt-u zabanashan rawad dar ‘adam”.

¹⁸ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 299.

цивилизации его пространные пассажи, касающиеся России. Россия – наиболее часто упоминаемая держава из европейских, что в целом не удивительно, если учитывать ее роль в тогдашней жизни Бухары. В целом, в «Дневнике» оценка российской политики на международной арене и в отношении Бухары скорее отрицательная. Как уже говорилось, Садр-и Зийа не приемлет русской политики по отношению к Турции, Ирану, Афганистану и Японии. Садр-и Зийа пережил захват Бухары, как личную трагедию, которая вполне умещается в русло его прежних размышлений над сутью политических процессов в мире, сводящихся к противостоянию Запада и Востока. Причем, следует вспомнить, что «Дневник» писался в 1920-х гг., в советский период, когда собственный мир автора – Бухара, был захвачен и разрушен Россией. Это не могло не усугубить трагического отношения автора к современной ему политике.

Вместе с тем, Садр-и Зийа включает в «Дневник» довольно обширный стихотворный пассаж, восхваляющий прошлое Российской империи. Россия описывается как держава, которая в прошлом (XVIII в.), благодаря справедливости и дальновидности Петра Первого, достигла значительного процветания и могущества¹⁹. Автор оценивает положительно и технологические новшества, привнесенные русскими в Бухарский эмират (телеграф, железная дорога, мосты)²⁰. Следует отметить, что резко негативные оценки Запада в «Дневнике» связаны с обобщенным образом страны, которым располагал автор. На примере России видно, что чем больше знает автор о европейской стране, тем менее категорично отрицательными становятся его суждения.

Отчуждение

Можно констатировать, что в центре воображаемой карты мира находилась Азия, а Европа на периферии. Я хотел бы подчеркнуть это наблюдение. Азия предстает в «Дневнике» как отчетливое, контрастное и детальное изображение, Европа же – находится близко к линии горизонта, в дымке, лишенная деталей. В ценностной шкале Садр-и Зийа земной шар поделен на две неравные части – христианский Запад и весь остальной мир, которые находятся в состоянии перманентной цивилизационной борьбы.

Воссозданная карта мира дает материал для реконструкции механизмов отчуждения в контекстуальном сознании Садр-и Зийа. Именно в «западных» экскурсах «Дневника» мы находим «статический» образ западного мира, каким он виделся не только Садр-и Зийа, но и многим из его круга – мусульманским интеллектуалам Бухары, Афганистана, Ирана, Ближнего Востока. В нем, в определенной мере, отразились базовые стереотипные образы Европы и христианства, доминировавшие в мусульманском сознании. Запад в «Дневнике» Садр-и Зийа абсолютно непонятен, непознаваем. Что хорошо в Западе

¹⁹ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 186–187.

²⁰ Ruznama-i Sadr-i Ziya. P. 164–165.

– его преимущество в политической системе, светском знании и, как следствие, в технологиях, в особенности, в военной сфере. Статический образ христианского Запада вполне самоочевиден и самодостаточен, он абсолютно аксиоматичен и не нуждается в апробации и версификации. Он представляет собою инвариантное ядро мусульманского образа Запада, аккумулировавшее в себе не только современный этому сознанию опыт, но и многовековую историю политического и культурного соперничества в расширяющемся Средиземноморье, соперничества ойкуменического и планетарного. Это инвариантное ядро абсолютно монологично, а потому закрыто для ревизии.

Таким образом, Азия, и особенно, мусульманская Азия, находятся внутри круга «Своего», близкого и понятного автору. Чужое-Запад находится в «Дневнике» на самой кромке горизонта, почти за его пределами. «Чуждость» Запада в сознании автора отталкивающая, у автора нет интереса познавать это «Чужое» глубоко, т.е. вводить его внутрь «Своего» круга.

Вместе с тем, в актуальном сознании это инвариантное идейное ядро соседствует с иными интерпретационными парадигмами, в модусе которых возможно построение коммуникационных каналов с западным мышлением, западной цивилизацией. Эти иные интерпретационные схемы можно распознать и в тексте Садр-и Зийа, в особенности, в его немногих позитивных оценках западной цивилизации. В частности, в пространстве технологий и, отчасти, культуры мусульманское сознание, репрезентированное Садр-и Зийа, было открыто для установления коммуникации с Западом.